

Дорогие коллеги!

В московской газете «День литературы» на её сайте вышла подборка моих стихов, посвящённых Государю Николаю II.

В этом году столетие расстрела Государя и его семьи. Я перечитал его дневники. Удивительно, почему исследователи не понимают их сущности. Это же практически шифровка. Все упрекают Николая в глупости, скудности эмоций в роковые для России дни. Но абсолютно ясно, что царь не хотел ничего отражать в своих дневниках: ни чувств, ни фактов государственной важности, ни своих оценок. Он явно боялся того, что дневники прочтут чужестранные агенты и собственные недоброжелатели. Он жил с ощущением постоянной слежки. В записях есть только напоминания для самого себя о последовательности событий, погоде в эти дни, последовательности встреч, но ни слова о существе дела. Впечатления дня должны были стать напоминанием о делах действительно важных, но даже намёком не отражённых в тексте. И ещё в записях есть аристократизм, свойственный немногим просвещённым монархам. Один французский король после проигранной крупной битвы написал в письме: «Всё пропало, кроме чести!» В этой несерьёзной, лёгкой оценке драматических событий есть особый шарм фатализма и величия. Язык, которым написаны дневники, лёгок и изящен, ироничен и прост.

Значение Николая растёт с каждым годом. Всё большее количество людей понимает, что это была сакральная жертва, призванная, как это ни странно, вдохнуть в русский мир новые, невиданные силы. Николай — царь-мученик! Его подвиг ещё будет востребован Россией.

Царь Николай — монарх-избранник,
Презрев и ненависть, и страх,
Ушёл от нас, как горный странник,
Сокрылся в синих небесах...

Вина пред Господом безмерна!
К нам не придёт уже покой!
Таких, как он, не будет верных,
И жертвы праведной такой!

Жена и дети, врач и слуги
Его ушли сопровождать
Навстречу той смертельной выюге,
Что не стихает никогда!

Христианство — русское христианство —
Сильнее не во дни побед,
А в тяжком, трудном постоянстве
И в час, когда померкнет свет.

В нём нет нужды для толстосумов,
Хотя страдают и они,
И к ним приходят эти думы
В жестокие смертельно дни.

Царь добрым был, над ним смеялись.
Он всех прощал, а значит слаб.
К нему в презренье признавались
Богач, аристократ и раб.

Но мы ещё спасёмся с ним все,
И жертва праведных не зря.
Мы все ещё объединимся
Вокруг убитого царя!!

Пройдут века, тысячелетья,
Не изменяя ничего,
И, застонав под новой плетью,
Россия вспомнит про него!

Россия в целый мир длиною,
На континентах, островах,
И перед новой ценою, и перед новой войною
Найдёт его на небесах!

И с тех небес, из ниоткуда,
С недостижимых высот,
Он новое нам явит чудо
И всех от ужаса спасёт!!

Нет ничего изменчивее правды,
А истина фатальна и суха...
У случая гораздо больше прав. Да.
И не добыть победы без греха!

Забудут люди жертвы и обеты.
Пером не защититься от меча.
На нищенство обречены поэты.
Короною венчают палача.

Но где-то в небе на высоком шпиле
Расправил крылья ангел золотой!
Его наверно сотни раз убили,
Но он исполнен верности святой!

Вокруг простор на сотню километров.
И лживый ветер делает кульбит,
Но ангел обращён навстречу ветру,
Навстречу бури праведно трубит!

Дрожит он, как струна, лучом согретый,
Его не ослепит ночная мгла.
Озарены потусторонним светом,
Сверкают и колышутся крыла!

И если вдруг, прервав на тонкой ноте,
Его сорвёт со шпилья ураган,
Расправит крылья в истинном полёте
И устремится ангел на врага!

Найдут его, измятого, в полыни,
Над ним людской недолог будет суд,
И очень скоро все его покинут
И снова на Голгофу вознесут!

ЕГО ДНЕВНИК

Его дневник. Какое чудо,
Какая сдержанность и честь!
Пусть задыхаются Иуды,
Но, радуйтесь, у нас он есть!

Он, не вставая на котурны,
Писал, по сути, ни о чём.
Играл... Гулял... Читайте, дурни,
Подглядывайте за Царём!

Его дневник! Какие лица!
Какие сложные пути!
Так, чтобы не проговориться
И никого не подвести...

В стране продажности проказа
Кидает судьбы на весы,
А в дневнике осталась фраза:
«Весьма приятные часы...»

Ирония тут непрестанна,
И пусть судачат по Москве:
Убито тридцать три фазана,
А куропаток двадцать две...

Ни доли собственного мненья,
Лишь дипломат и джентльмен.
Ни порицанья, ни сомненья...
Глаза и уши есть у стен!

Грядёт России день последний,
И эшафот уже готов:
«Гулял немного до обедни...»,
«Нарвали множество цветов...»

Одни лишь игреки и иксы.
Ни слёз, ни чувства невзначай:
«Гуляли...», «принял Фредерикса...»,
«играли в теннис», «пили чай»...

За что же вы так издевались?
Да, семьянин, царь был такой,
«...увидеть дорогую Аликс...» —
Вот радость, счастье и покой.

А в Петербурге — вой и крики.
И за войной идёт война.
Столыпин, Витте, Горемыкин —
Как много значат имена!

Он прожил, в общем-то, немного,
Но вечен мученика свет.
Он христианин: «угодно Богу» —
Его смиреннейший ответ.

А вот и смерть на сто процентов.
Когда уже устал от ран,
Дана всего одна оценка:
«...измена, трусость и обман».

Он возвратится в отчий дом,
В края пустых полей.
Откуда эта сила в нем?
От древних королей.
Он пьёт парное молоко,
Смеясь глядит во тьму.
Придёт малыш, и всё легко
Покажется ему.
И каждый встретить будет рад
Творителя чудес.
Откуда этот светлый взгляд?
От ангелов с небес.
Он знает мир, каков он есть, —
Родной ему всему.
За возвращенье слова «честь»
Поклонимся ему.
Он возвратится в отчий дом,
В краях пустых полей.
Откуда эта сила в нем?
От древних королей.